

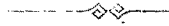

КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ПЕТРЪ МОГИЛА

И

ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

(ОПЫТЪ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ).

Томъ II.

С. Толубева.

Кіевъ.

Типографія С. В. Кульженко. Большая-Васильковская улица, домъ № 23

1898.

Державний історико-філологічний факультет Імператорського Університету Св. Володимира, печатать дозволяється. Деканъ Т. Флоринскій.

Съ воцареніемъ Владислава IV, почти совпавшимъ со временемъ избранія на кievскую митрополію Петра Могилы, западно-русская церковь вступаетъ въ новый періодъ своего существованія: для нея— по выраженію тогдашнихъ православныхъ писателей—*посль длинной ночи*, т. е. многолѣтнихъ притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, *открывалась заря новой жизни*. Въ данномъ случаѣ разумѣется возстановленіе нарушенныхъ въ предшествовавшее царствованіе правъ западно-русской церкви, чтó обѣщано было православнымъ на сеймахъ, предшествовавшихъ избранію и вступленію Владислава IV на польскій престолъ, и отчасти на коронаціонномъ сеймѣ исполнено. Но какъ ни важно было для православныхъ возстановить права своей церкви, юридическимъ пріобрѣтеніемъ ихъ еще далеко не обезпечивались спокойствіе и благоденствіе послѣдней. Въ разсматриваемое время, при господствовавшемъ въ Польской Коронѣ шляхетскомъ самоуправствѣ, сеймовыя постановленія и на основаніи ихъ выдаваемыя королемъ привилегіи, коль скоро они не согласовались съ желаніями сильной въ государствѣ ультра-католической партіи, не всегда получали значеніе обязательнаго для всѣхъ закона, — и если диссидентамъ (т. е. не-католикамъ) трудно было выхлопотать у правительства тѣ или инныя права для себя, то иногда еще труднѣе было воспользоваться ими *de facto*. Та упорная борьба, какую пришлось вести на сеймахъ православнымъ депутатамъ съ латино-уніатскою партіею при защитѣ правъ своей церкви, тѣ многочисленныя протесты, какіе заносились этою партіею въ судебныя мѣста съ цѣлію затормозить дѣло право-

славныхъ, наконецъ, самая неопредѣленность сеймовыхъ постановленийъ относительно „успокоенія греческой религіи“ и отсрочка окончательнаго рѣшенія этого вопроса до будущаго сейма,—все это ясно показывало, что пользованіе правами и привилегіями, исходатайствованными для православной церкви при вступленіи на престолъ Владислава IV, не обойдется для ея защитниковъ безъ новой упорной борьбы съ поборниками католицизма и униі. — Такимъ образомъ, уже *внѣшнее положеніе*, въ какомъ, при вступленіи П. Могилы на митрополию, находилась западно-русская церковь, возлагало на верховнаго ея представителя многотрудныя обязанности. Необходимо было энергично и умѣло отстаивать и удерживать возвращенную православнымъ столь дорогою цѣною свободу вѣроисповѣданія; надлежало *фактически воспользоваться* приобрѣтенными на сеймахъ правами для православной церкви, *упрочить ихъ* за нею навсегда и, если можно, *пріумножить*.

Еще большія обязанности возлагались на представителя западно-русской церкви *внутреннимъ ея состояніемъ*.

Извѣстно, что введеніе униі въ литовско-русскихъ областяхъ и усилившаяся вслѣдствіе этого борьба съ католицизмомъ вызвали въ средѣ православныхъ южно-руссовъ подъемъ духа и оживленную дѣятельность въ видахъ охраненія праотцевской вѣры отъ враждебныхъ на нее посягательствъ со стороны иновѣрія. Эта дѣятельность была не бесплодна. Во-первыхъ, до нѣкоторой степени поднято было крайне низко стоявшее въ предшествовавшее время просвѣщеніе,—именно, во многихъ мѣстахъ заведены были школы, устроены типографіи, издано значительное количество книгъ религіознаго, а также религіозно-полемическаго содержанія, образованы, преимущественно при братствахъ и монастыряхъ, институты проповѣдниковъ; во-вторыхъ, несмотря на противодѣйствіе со стороны правительства и латино-униатской партіи, возстановлена была высшая іерархія, а съ появленіемъ ея усилены заботы къ упорядоченію церковнаго богослуженія, къ искорененію недостатковъ въ духовенствѣ, къ поднятію религіозно-правственнаго состоянія общества, и т. п. Тѣмъ не менѣе, разсматриваемое и съ указанныхъ сторонъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ западно-русской митрополиі, при вступленіи Петра Могилы на

первосвятительскую кафедру, настоятельно нуждалось во многих существенных исправлениях и улучшениях. Школьное преподавание, хотя и проникнуто было святоотеческими традициями, велось въ строго православномъ духѣ; но не отличалось особенной научностью, не выходило изъ рамокъ довольно узкихъ программъ и, вообще, не удовлетворяло насущнымъ потребностямъ времени. Церковно-богослужебныя книги, хотя издавались въ значительномъ количествѣ, но иногда съ неисправныхъ списковъ, бѣльшею частію безъ сличенія съ греческими подлинниками, причемъ онѣ не всегда согласовались между собою и, въ общемъ, свидѣтельствовали о значительной поврежденности въ юго-западной Руси церковной обрядности. Сравнительно на бѣльшей высотѣ стояла литературная полемика съ пропагандистами инновѣрія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, дававшая сильный отпоръ ожесточеннымъ нападеніямъ на православіе. Но и здѣсь иногда дѣло не обходилось безъ крупныхъ промаховъ, зависѣвшихъ частію отъ того, что защита православія возлагалась (хотя и рѣдко), за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ людей, на инновѣрцевъ, естественно допускавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ неправославныя мысли, а частію отъ того, что и сами православныя полемисты, вслѣдствіе не успѣвшей еще окрѣпнуть у нихъ богословской мысли, не имѣли по нѣкоторымъ богословскимъ вопросамъ устойчивыхъ воззрѣній и иногда впадали между собою въ противорѣчія. Для православныхъ чувствовалась настоящая надобность въ *высшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, которыя, до извѣстной степени, стояли-бы на уровнѣ съ современными коллегіями и университетами инновѣрными; требовалось удовлетвореніе назрѣвшей потребности *въ очищеніи и систематизации церковной обрядности*; въ особенности, являлась крайняя необходимость *въ систематическомъ, точномъ, притомъ общепризнанномъ всею Вселенскою церковію изложеніи православнаго вѣрованія*.. Но особенно неудовлетворительно было, передъ вступленіемъ II. Могилы на первосвятительскую кафедру, церковно-административное управленіе въ западно-русской митрополіи, что находилось, между прочимъ, въ зависимости отъ крайняго ослабленія власти высшей іерархіи. Въ этомъ отношеніи сдѣланы были замѣтные шаги назадъ даже сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ. Измѣна православію южно-

русскихъ іерарховъ, подчинившихся папскому престолу, въ значительной степени подорвала довѣріе и къ тѣмъ представителямъ церкви, которые устояли на высотѣ своего положенія. Защиту праотцевской вѣры взяли подъ свою охрану, преимущественно, братства, преобладающій элементъ въ коихъ составляли міряне. Безъ сомнѣнія, братства оказали православію въ рассматриваемое время неоцѣненные услуги, но безспорно также, что прогрессивно развивавшееся стремленіе братчиковъ къ полной автономіи въ дѣлахъ церковныхъ, признаніе надъ собою іерархической зависимости отъ одного только константинопольскаго патріарха, до крайнихъ предѣловъ умаляло церковно-административную власть и значеніе собственныхъ іерарховъ, даже несмотря на ихъ численное оскуднѣніе, побуждавшее болѣе чѣмъ когда либо дорожить представителями духовной власти. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно припомнить частыя и крайне непріязненныя столкновенія Львовскаго братства съ мѣстнымъ епископомъ. Притомъ, самое уже оскуднѣніе высшей іерархіи, до крайности затрудняя, а иногда дѣлая положительно невозможнымъ сношенія съ единственнымъ для всей южно-русской церкви епископомъ (разумѣемъ періодъ отъ 1612 по 1620 г.; до смерти Михаила Копыстенскаго у южно-русовъ было два епископа), способствовало ослабленію централизующей церковной власти даже по отношенію къ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, кои не имѣли побужденій уклоняться отъ ея надзора. Особенно же оскуднѣніе высшей іерархіи содѣйствовало развитію безначалія въ церквахъ и монастыряхъ *патронатскихъ*, которые и въ прежнее время представляли немало затрудненій для правильнаго теченія церковно-административной дѣятельности, а теперь, при отсутствіи почти во всѣхъ епархіяхъ епископовъ, имѣли къ самоуправству какъ-бы естественный поводъ. Правда, съ 1620 года, когда іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ восстановлена была въ юго-западной Руси іерархія, митрополитъ Іовъ Борецкій и новопоставленные епископы обратили серьезное вниманіе на упорядоченіе церковныхъ дѣлъ и въ административномъ отношеніи, но въ данномъ случаѣ ими сдѣлано было немного. Причина этого заключалась отчасти въ томъ, что положеніе новопоставленныхъ іерарховъ, особенно на первыхъ порахъ, было крайне печальное. Не признанные въ своемъ званіи польскимъ правитель-

ствомъ, объявленные даже измѣнниками отечеству, стоящими внѣ покровительства закона, они вынуждены были нѣкоторое время скрываться, и большинство ихъ никогда не жило въ своихъ епархіяхъ,—отсюда и вліяніе ихъ относительно подвѣдомственнаго духовенства могло быть только ограниченное. А главное, трудно было съ успѣхомъ бороться противъ обычая, вслѣдствіе исторически сложившихся обстоятельствъ, пустившаго глубокіе корни въ бытовую жизнь южно-русскаго общества. Извѣстная часть этого общества на ограниченіи церковной власти созидала свои права и потому въ разширеніи означенной власти усматривала посягательства на эти права, а иногда усматривала даже нѣчто болѣе—измѣну православію, склонность къ униі. Ослабленіе епископской власти и преобладающее вліяніе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ—уже сами по себѣ явленія анти-каноническія, тѣмъ болѣе были не желательны, что сопровождались нерѣдко печальными для церкви послѣдствіями. Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ священниками были двоеженцы, люди порочные, иногда даже не имѣвшіе священническаго сана. Удачный выборъ братствами нѣсколькихъ достойныхъ духовныхъ лицъ не искупалъ указанныхъ нестроеній въ церкви, тѣмъ болѣе, что и эти лица подчинялись исключительно контролю своихъ избирателей. Такимъ образомъ, въ разсматриваемое нами время, настояла неотложная надобность въ исправленіи, упорядоченіи и приведеніи въ единство почти окончательно распатаннаго церковно-административнаго строя.—Наконецъ, по вступленіи Петра Могилы на митрополию, хотя число храмовъ, въ которыхъ православные имѣли настоятельную нужду, значительно увеличилось, вслѣдствіе отобранія извѣстной части ихъ, согласно со „статьями успокоенія,“ отъ униатовъ; но большинство этихъ храмовъ поступало въ вѣдѣніе православныхъ въ окончательномъ убожествѣ, такъ какъ все сколько нибудь цѣнное (да и нецѣнное) предварительно выносилось изъ нихъ униатами. Иногда же православные не только не получали никакой церковной утвари, но и самые храмы, при отобраніи ихъ отъ униатовъ, оказывались полуразрушенными или же окончательно разрушенными. Въ самомъ Кіевѣ—центрѣ православія—нѣкоторые храмы лежали въ развалинахъ (хотя въ этомъ виноваты были не одни униаты). Даже церковь св. Софіи Кіевской,—

этотъ вѣковѣчный памятникъ православія на Руси, кафедра митрополитскаго, — находилась въ жалкомъ состояніи, была опустошена, полуразрушена. „Руины“ сей святыни — по выраженію современниковъ — давно ожидали своего возстановителя...

Такимъ образомъ, для дѣятельности П. Могила, еще въ званіи архимандрита заявившаго себя благими начинаніями на пользу православія, по вступленіи его на первосвятительскую кафедру западно-русской церкви, открывалось поле весьма обширное, далеко еще въ нѣкоторыхъ частяхъ не воздѣланное, а индѣ и тернистое.

Обозрѣнію нѣкоторыхъ сторонъ этой дѣятельности знаменитаго митрополита, *въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени*, и посвящается настоящій томъ нашего труда.

Почти половину этого тома занимаютъ *приложенія*, заключающія, ббльшую частію, документы, извлеченные нами изъ разныхъ (въ своемъ мѣстѣ указанныхъ) библіотекъ и архивовъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Многіе изъ этихъ документовъ снабжены примѣчаніями. Одни изъ нихъ имѣютъ характеръ, преимущественно, библиографическій: состоятъ изъ перечня данныхъ объ извѣстной исторической личности, находящихся въ разныхъ малодоступныхъ изданіяхъ или архивныхъ документахъ. Указаніемъ *точною* мѣстонахожденія этихъ данныхъ имѣлось въ виду облегчить работу будущихъ изслѣдователей, которые пожелали-бы ближе ознакомиться съ означенными личностями. Другія примѣчанія, иногда довольно обширныя, переходяція въ небольшія изслѣдованія, вызваны желаніемъ исправить ошибочныя мнѣнія, установившіяся въ нашей церковно-исторической литературѣ по тѣмъ или инымъ вопросамъ. Иногда эти примѣчанія имѣютъ довольно отдаленное отношеніе къ предмету изслѣдованія, что можетъ быть поставлено въ упрекъ автору; но если за ними признаны будутъ *научныя достоинства*, то съ такимъ упрекомъ онъ готовъ примириться.

Безъ сомнѣнія, ббльшаго упрека заслуживаетъ авторъ за допущенный имъ длинный промежутокъ времени, отдѣляющій появленіе этого тома отъ выхода въ свѣтъ перваго. Но да послужитъ ему нѣкоторымъ извиненіемъ крайняя разбросанность источниковъ для предмета изслѣдованія, дѣлавшаяся необходимыми многократныя поѣздки

въ разные отдаленные города, а въ особенности неблагопріятная случайность, вслѣдствіе которой пришлось *вторично* собирать одинъ и тотъ же матеріаль.... Авторъ надѣется, что послѣдній, третій томъ его многолѣтняго труда въ этомъ отношеніи будетъ счастливѣе втораго.

Въ заключеніе авторъ считаетъ первымъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Императорскому Университету св. Владиміра, предоставившему матеріальныя средства на изданіе настоящаго труда; считаетъ также пріятнымъ долгомъ сердечно благодарить всѣхъ лицъ, оказывавшихъ ему и нравственную поддержку при его работѣ,—въ особенности: Директора Императорской Публичной Библіотеки *А. Θ. Бычкова* и профессоровъ: *П. В. Знаменскаго*, *А. И. Соболевскаго*, *Θ. Я. Фортинскаго*, *Т. Д. Флоринскаго*, *В. С. Иконникова*, *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* и *П. А. Лаикарева*; а профессору *А. А. Дмитріевскому*, подъ гостепримнымъ кровомъ котораго написаны многія страницы сего тома, авторъ, въ знакъ своего высокаго уваженія и искренней дружбы, и посвящаетъ его.